

Условные знаки. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Условные знаки. Владимир Владимирович Набоков

1

В четвертый раз за столько же лет перед ними стоял вопрос, что можно подарить на рождение юноше с неизлечимо поврежденным рассудком. У него не было желаний. Человеческими руками сделанные предметы казались ему или гудящими ульями одному ему понятного зла, или принадлежали к тем грубым удобствам жизни, для которых не было места в его абстрактном мире. Отбросив несколько вещей, которые могли бы его обидеть или испугать (всякие хитроумные приспособления, например, совершенно исключались), его родители остановились на изящном, безобидном пустячке: корзинке с десятью разными сортами варенья в десяти склянках.

Ко времени его рождения они уже были давно женаты; прошло два десятка лет, и они совсем состарились. Ее тусклые седые волосы были причесаны кое-как. Она носила дешевые черные платья. В отличие от других женщин ее возраста (например, г-жи Соль из соседней квартиры, лицо которой было лилово-розовым от румян, а шляпа напоминала охотку полевых цветов), она подставляла голую белизну кожи придиричивому весеннему свету. Муж ее, в предыдущей стране бывший довольно зажиточным коммерсантом, теперь полностью зависел от брата Исаака, настоящего американца с сорокалетним стажем. Они его видели редко и между собой называли «Принцем».

В ту пятницу все было не ладно. Поезд метро потерял жизненный ток между двумя станциями, и в продолжение четверти часа слышен был только добросовестный стук собственного сердца да шелест перелистываемых газет. Автобус, на который им нужно было потом пересест, заставил их ждать целую вечность; а когда он наконец пришел, то оказался набитым галдящими школьниками. Шел сильный дождь, пока они поднимались по коричневой дорожке к санатории. Там они опять ждали; и вместо их сына, который обыкновенно входил, шаркая, в комнату (его бедное прыщавое лицо, плохо выбритое, угрюмое и смущенное), появилась сестра, которую они знали и недолюбливали, и бодро объяснила, что он опять пытался покончить с собой. Теперь, по ее словам, все было хорошо, но их посещение могло его разстроить. В заведении так явно не хватало служащих, и вещи так легко пропадали или попадали не к тому, кому предназначались, что они решили не оставлять подарка в конторе, а привезти его в свой следующий приезд.

Она подождала пока муж откроет зонтик и потом взяла его под руку. Он все прочищал горло особенным гулким способом, как и всегда, когда бывал огорчен. Они добрались до будки на автобусной остановке на другой стороне улицы, и он закрыл зонтик. В нескольких шагах от них, под качающимся, роняющим капли деревом, беспомощно подергивался в луже крохотный полумертвый птенец.

В продолжение долгого пути к станции метро они не обменялись ни словом; и всякий раз, что она взглядывала на его старческие руки (набухшие вены, кожа в коричневых крапинках), сложенные и подрагивавшие на ручке зонтика, она чувствовала нарастающий прилив слез. Когда она огляделась, пытаясь зацепиться за что-нибудь сознанием, она испытала как-бы легкое потрясение, смесь сострадания и изумления, заметив, что одна из пассажирок, темноволосая девочка с грязными карминовыми ногтями на ногах, рыдала на плече пожилой женщины. На кого эта женщина была похожа? Она была похожа на Ревекку Борисовну, дочь которой вышла замуж за одного из Соловейчиков – в Минске, давным-давно.

Когда он последний раз пытался это сделать, его метод, по словам доктора, был чудом изобретательности; он бы и достиг своего, когда б завистливый сосед не подумал, что он учится летать, и не помешал ему. На самом же деле, он хотел проделать дыру в своем мире и бежать.

Разновидность его умственного расстройства послужила предметом подробной статьи в научном журнале, но они с мужем давно сами ее для себя определили. Герман Бринк назвал ее Mania Referentia, «соотносительная мания». В этих чрезвычайно редких случаях больной воображает, что все происходящее вокруг него имеет скрытое отношение к его личности и существованию. Живых людей из этого заговора он исключает, ибо считает себя гораздо выше прочих в умственном отношении. Явления же природы следуют за ним куда бы он ни шел. Облака на небе не спускают с него глаз, и при помощи медленных сигналов передают друг другу невероятно

Условные знаки. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru подробные сведения о нем. Его сокровеннейшие мысли обсуждаются по вечерам, посредством ручной азбуки, загадочно жестикулирующими деревьями. Камушки, пятна, солнечные блики образуют узоры, составляющие каким-то страшным образом послания, которые он должен перехватить. Все на свете зашифровано, и тема этого шифра – он сам. Иные из его соглядатаев – равнодушные наблюдатели, как например стеклянные поверхности и пруды стоячей воды; другие, например, пальто в витринах лавок, предубежденные свидетели, в душе сторонники немедленной расправы; третьи же (проточная вода, гроза), истеричные до потери рассудка, имеют о нем превратное понятие и приписывают его поступкам нелепое значение. Он постоянно должен быть начеку и посвящать всякую минуту и всякую частицу жизни расшифровке флюктуаций предметов. Самый воздух, который он вдыхает, заносится в реестр и подшивается к его делу. Если бы только интерес, вызываемый им, ограничивался его ближайшим окружением – но, увы, это было не так. При удалении поток диких наговоров становился громче и многословнее. Силуэты его кровавых шариков, увеличенные в миллионы раз, мелькают над просторными равнинами; а еще дальше – огромные горы невыносимой плотности и высоты подводят на языке гранита и стонущих елей итог основного смысла его бытия.

2

Когда они выбрались из грома и спертого воздуха метро, последний осадок дня смешивался с уличными огнями. Она хотела купить рыбы на ужин и поэтому передала ему корзинку с баночками желе и сказала идти домой. Он поднялся до площадки третьего этажа и тут вспомнил, что днем отдал ей свои ключи.

Он молча сел на ступени и молча поднялся, когда минут через десять она пришла, тяжело топая по лестнице, болезненно улыбаясь, качая головой и коря себя за оплошность. Они вошли в свою двухкомнатную квартирку, и он тотчас же направился к зеркалу. Растянув углы рта большими пальцами, с ужасной маскоподобной гримасой, он вынул свою новую, безнадежно неудобную челюсть, разделив длинные бивни слюны, соединявшие его с ней. Пока она накрывала на стол, он читал свою русскую газету. Продолжая читать, он съел бледную снедь, не требовавшую участия зубов. Она понимала его настроение и тоже молчала.

Когда он ушел спать, она осталась в гостиной с колодой засаленных карт и своими старыми альбомами. Насупротив, через узкий двор, где дождь тренькал в темноте по помятым мусорным бидонам, окна были невозмутимо освещены и в одном из них видно было мужчину в черных штанах, с закинутыми голыми локтями, лежавшего навзничь на развороченной постели. Она опустила жалюзи и стала разсматривать фотографии. В младенчестве у него было выражение более удивленное, чем бывает у большинства младенцев. Из альбома выпала немецкая горничная, которая была у них в Лейпциге, и ее толстолицый жених. Минск, революция, Лейпциг, Берлин, Лейпциг, накрененный фасад дома, очень неясно вышедший. В четыре года, в парке: пасмурный, застенчивый, с насупленным лбом, отворачивающийся от назойливой белки, как отворачивался от всего незнакомого. Тетя Роза, суетливая, худая, с безумным выражением глаз пожилая дама, жившая в трепетном мире дурных вестей, банкротств, железнодорожных крушений, раковых опухолей – куда немцы не убили ее вместе со всеми теми, о ком она тревожилась. Шесть лет – это когда он рисовал удивительных птиц с человеческими руками и ногами и по-взрослому страдал бессонницей. Его двоюродный брат, теперь известный шахматист. Опять он, лет восьми, его уже трудно было понимать, он уже боялся обоев в коридоре, боялся картинок в книге, на которой был всего лишь изображен идиллический пейзаж с большими камнями на склоне холма и со старым тележным колесом, висевшим на суке безлистого дерева. Десять: в тот год они уехали из Европы. Стыд, жалость, унижительные трудности, уродливые, злые, отсталые дети, с которыми он учился в той особой школе. А потом наступило в его жизни время, совпавшее с выздоровлением после воспаления легких, когда его мелкие страхи, которые его родители упорно считали причудами необычайно даровитого ребенка, как бы сгустились в плотный, перепутанный клубок логически сцепленных иллюзий, сделав его совершенно непроницаемым для нормального ума.

С этим, как и со многим другим, она мирилась – потому, что ведь, в конце концов, вся жизнь состоит сплошь из примирения с потерей одной радости за другой, в ее же случае, не просто радости, но даже возможности какого-нибудь просвета. Она думала о безконечных волнах боли, которую она и ее муж почему-то должны были выносить; о незримых гигантах, которые как-то невообразимо мучат ее мальчика; о неизмеримом количестве нежности, которая существует в мире; об участи этой нежности, которую дают, зря расточают, или превращают в безумие; о заброшенных детях, что-то шепчущих себе под нос в неметенных углах; о чудных сорных травах,

Условные знаки. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru которым некуда спрятаться от косца, вынужденных беспомощно видеть как его по-обезьяньи сутулая тень оставляет позади себя искромсанные цветы, меж тем как надвигается чудовищная тьма.

3

Было уже полночь, когда из гостиной послышался мужнин стон; и затем он прошаркал в комнату, в накинутае поверху пижамы старом пальто с каракулевым воротником, которое он предпочитал своему хорошему синему халату.

– Я не могу заснуть, – крикнул он.

– Но почему, – спросила она, – почему ты не можешь заснуть? Ты ведь был такой усталый.

– Я не могу спать, потому что я умираю, – сказал он и лег на диван.

– Что это, желудок? Хочешь я позвоню доктору Солову?

– Не нужно докторов, не нужно, – простонал он. – К чорту докторов. Мы должны поскорее забрать его оттуда. Иначе вина ляжет на нас. На нас! – Повторил он и тотчас рывком сел, поставив ноги на пол и колотя по голове стиснутым кулаком.

– Хорошо, – сказала она спокойно, – мы завтра утром перевезем его домой.

– Мне бы чаю, – сказал муж и ушел в уборную.

С трудом нагнувшись, она подняла несколько карт и одну или две фотографии, соскользнувшие с дивана на пол; червонный валет, пиковая девятка, туз пик, Эльза и ее брутальный кавалер.

Он вернулся в лучшем настроении и громко сказал:

– Я все продумал. Мы отдадим ему спальню. Каждый из нас будет проводить часть ночи возле него, а потом спать на диване. По очереди. Доктор будет навещать его по крайней мере два раза в неделю. Не важно, что скажет Принц. Ему и нечего будет сказать, потому что так выйдет дешевле.

Позвонил телефон. Обыкновенно в такой час их телефон не звонил. Его левая туфля соскочила с ноги, и он нашаривал ее пяткой и носком, стоя посреди комнаты, по-детски, беззубо, с разинутым ртом глядя на жену. Она обычно подходила к телефону, так как лучше его знала по-английски.

– Можно Чарли? – сказал девичий глуховатый голосок.

– Вам какой номер нужен? Нет. Это не тот номер.

Она мягко положила трубку. Ее рука потянулась к старому уставшему сердцу.

– Я испугалась, – сказала она.

Он быстро улыбнулся и тотчас продолжал свой взволнованный монолог. Завтра чем свет они поедут за ним. Ножи придется запирать в ящик. Даже в самые худшие свои дни он не представлял опасности для других.

Телефон позвонил в другой раз. Тот же встревоженный, лишенный выражения, молодой голос попросил Чарли.

– Это не тот номер. Я вам объясню, что вы делаете: вы вертите букву О вместо ноля.

Они сели за свой неожиданно праздничный полуночный чай. Подарок к рождению стоял на столе. Он шумно отхлебывал; лицо его покраснелось; он то и дело поднимал стакан и качал его кругообразным движением, чтобы сахар скорее растворился. На его лысой голове, сбоку, где было большое родимое пятно, заметно выделялась жила, и хотя он побрился утром, серебристая щетина пробивалась у него на подбородке. Пока она наливала ему другой стакан, он надел очки и с удовольствием принялся заново пересматривать лучезарные желтые, зеленые, красные скляночки. Его неловкие мокрые губы с трудом читали звучные ярлыки: абрикос, виноград,

Условные знаки. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
слива морская, айва. Он дошел до райского яблочка, когда телефон зазвонил опять.

1948 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!